Порядковый номер жертвы

Автор:
Евгений Сухов

Порядковый номер жертвы

Евгений Евгеньевич Сухов

Фартовые детективы

В Москве-реке найден труп молодого человека со странной меткой в виде цифры 2 на лбу. Следователь Сергей Шамов предполагает, что это порядковый номер жертвы неизвестного пока серийного маньяка. Страшную догадку сыщика подтверждает третий труп. Но кто же был первым и кто будет следующим? Необычное объяснение происходящему дает старый знакомый Шамова, эксперт-аналитик. Он утверждает, что убийца следует определенной схеме, суть которой можно найти в старых милицейских архивах. Шамов берется разгадать загадку маньяка и приходит к ошеломляющему выводу…

Евгений Сухов

Порядковый номер жертвы

© Сухов Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1. Странный труп на Пушкинской набережной

– Мои руки по локоть в крови. Вы этого не видите, но я-то знаю.

– Значит, вы признаете, что убили мужчину?

– Признаю.

– Как это случилось?

– Я прогуливался по Нескучному саду и увидел этого парня.

– Ночью прогуливались?

– Можно сказать, поздним вечером.

– Скажите поконкретнее, во сколько это было?

– На часы я не смотрел, – знаете, когда я прогуливаюсь, то не особенно смотрю на время. Ну, думаю, часов десять было, а может, и позже.

– Так… А парень?

– Что парень?

– Он тоже прогуливался?

– Конечно.

– Хм, вот так прямо после десяти вечера?

– А когда же еще?

– Действительно, когда еще прогуливаться по Нескучному саду, как не поздним вечером. Народу немного, тишина.

– Ну вот… Я прогуливаюсь. Вижу – навстречу мне идет парень. Мне он сразу как-то не понравился, и я решил его убить. Когда он прошел мимо меня, я напал на него сзади и несколько раз ударил молотком по голове. Потом придушил веревкой…

– А веревкой-то зачем? На всякий случай, вдруг очнется, так что ли?

– Вроде того. Затем связал его, затолкал в мешок и скатил с Пушкинской набережной прямо в Москву-реку.

– Скажите, вы всегда, когда идете на прогулку, берете с собой молоток, веревку и мешок?

– Всегда! А как же иначе-то? Вдруг придется кого-нибудь убивать? Не искать же мешок по подворотням.

– Очень логично… А сколько ударов молотком вы ему нанесли?

– Шестьдесят семь.

– Ровно шестьдесят семь?

– Ровно. Я же считал.

– Что-то цифра уж больно не круглая получается.

– Это как сказать…

– Слушайте, Аркадий Денисович, а не пойти ли вам… куда-нибудь подальше! У меня и без вас хлопот выше головы! Убивец вы наш…

– Как же так? Это форменное безобразие! Я же вам говорю, мои руки по локоть в крови…

Разговор проходил утром двенадцатого июля две тысячи семнадцатого года в кабинете старшего следователя-криминалиста Следственного управления СК РФ

майора юстиции Шамова. Сергей Иванович поначалу терпеливо выслушивал высокого посетителя, пришедшего с признательными показаниями в нашумевшем на всю Москву убийстве. Потому что грубо с ним было нельзя, подобный тип людей ему был хорошо знаком: в противном случае тот пойдет с жалобами по высоким кабинетам. В результате чего придется забросить все текущие дела, прочно засесть за стол и заниматься тем, что «отписываться» по всем этим кляузам. Однако всякому терпению, как известно, приходит конец. Вот и Сергей Иванович не выдержал – сохраняя доброжелательный тон и внешнее спокойствие, произнес:

– Помойте их в нашем сортире. И идите на… все четыре стороны!

После чего вышел из-за стола, взял собеседника под локоть и, подняв со стула, повел к двери. Недвусмысленно давая понять, что на этом допрос закончен.

Посетитель вяло поплелся, уронив продолговатую голову на грудь. В самых дверях он поднял взор и, посмотрев в глаза Шамова, изрек:

– Вы совершаете большую ошибку, господин следователь. Андрея Романовича Чикатило тоже не раз вот так отпускали. После чего он продолжал убивать. Не боитесь, что последующие убийства, которые я совершу, будут уже на вашей совести?

– Боюсь, – приложив руку к груди, признался Сергей Иванович. – Но, надеюсь, как-то переживу.

– Ну-ну, – недобро усмехнулся высокий посетитель с продолговатой головой. – Знайте: труп в Москве-реке – это только начало…

* * *

Посетителя с продолговатой головой звали Аркадий Денисович Шкаликов. В правоохранительных органах он был весьма известной фигурой. Случись в Москве какое-нибудь резонансное преступление, о котором передавали по телевизору в «Криминальных новостях» и печатали в газетах, он заявлялся в участковые пункты, отделы полиции, следственные отделы и управления и сообщал, что ему известен преступник. Покуда личность Шкаликова была еще

не примелькавшейся и не получившей в правоохранительных кругах широкой известности, его внимательно выслушивали, записывали его показания, благодарили за информацию, проверяли ее.

Вскоре выяснилось, что все сказанное Аркадием Денисовичем, мягко говоря, не выдерживало никакой критики. Он оказался человеком с весьма богатым воображением. По прошествии некоторого времени, когда фигура Шкаликова стала широко известной в узких кругах, а точнее, в правоохранительных органах, от него стали отмахиваться как от назойливой мухи. Аркадий Денисович посчитал такое отношение к нему крайне оскорбительным и настучал в прокуратуру и службу собственной безопасности МВД. Кто таков Аркадий Денисович Шкаликов, там еще не ведали, потому отнеслись к его заявлениям весьма серьезно, и следователи, игнорировавшие Шкаликова, получали нарекания, взыскания и прочие немилости от вышестоящего начальства. А некоторыми из них, раскопав в их работе не вполне законные деяния, занялась служба собственной безопасности.

С того времени разговаривать с Аркадием Денисовичем стали вежливо, вниманием не обделяли, но под всяческими предлогами старались как можно скорее выпроводить с глаз долой.

Когда полтора года назад за строящимися гаражами на Автозаводской улице было обнаружено тело неизвестной женщины с обезображенным лицом, Шкаликов пришел прямиком в отдел уголовного розыска Даниловского отделения МВД и заявил, что труп женщины за гаражами – это его рук дело.

– Арестуйте меня немедленно, – потребовал Аркадий Денисович и выставил вперед руки, давая возможность сомкнуть на них наручники. Однако майор, начальник отдела, повидавший на своем веку немало чудаковатых посетителей, доставать наручники не торопился. Он уже был заочно знаком со Шкаликовым и, убедившись, что в отдел пожаловал именно он, стал неторопливо расспрашивать заявителя: как звали его жертву, во что она была одета, как он ее убивал, каков был мотив убийства…

Аркадий Денисович отвечал весьма охотно и обстоятельно: мол, жертву звали Екатерина Воропаева, одета она была в платье розового цвета с брошью на правой стороне груди. А убивал обыкновенно, при этом он даже подал плечами (дескать, чего тут сложного), – сначала задушил, а потом для верности размозжил голову булыжником, который впоследствии выбросил в кусты. Мотив

убийства тоже незамысловатый – неразделенная любовь. С кем не бывает…

– Я ее любил, а она любила другого. Очень страдал. Вот я ее и убил, – объявил Шкаликов и честно посмотрел майору в глаза. – Чтобы никому не досталась.

– Конечно, как же иначе. Значит, вы сторонник радикальных мер? – на полном серьезе спросил начальник отдела уголовного розыска.

– У меня не было другого выхода, должен же я был как-то разрулить эту ситуацию, – ответил Шкаликов. И подозрительно посмотрел на майора: – А почему вы не протоколируете мои показания?

– Обязательно зафиксируем чистосердечное признание, как же без этого, – заверил Аркадия Денисовича начальник отдела уголовного розыска. – А вот ответьте мне на один вопрос, – продолжил он, – где вы взяли булыжник?

– Из мостовой выковырял, – не раздумывал ни секунды Шкаликов.

– Где именно? – быстро поинтересовался майор.

– У Крутицкого подворья, – так же быстро ответил Аркадий Денисович.

На ходу он все придумывал или у него все было продумано заранее – никто из общающихся с ним офицеров полиции не ведал. На первый взгляд Аркадий Денисович Шкаликов казался вполне здоровым и вменяемым человеком. Своей внешностью не особо выделялся среди прочих граждан. Ну разве только формой головы, продолговатой, как огурец или скорее дыня (ну это далеко не странность, каких только голов не встречается!). И еще коротковатыми для его роста старомодными брюками с манжетами на штанинах (и это далеко не веская причина, может, у него брюки длинноваты, а подрезать – жаль!)…

Конечно, никаких обращений о пропаже некой Екатерины Воропаевой в платье розового цвета в полицейских сводках не значилось. Да и булыжной мостовой на том месте отродясь не бывало. Один сплошной асфальт! Все, начиная от имени женщины и заканчивая орудием убийства, было придумано воспаленным мозгом Аркадия Денисовича, человека совершенно безобидного и согласно последнему медицинскому заключению социально неопасного, а потому не находящегося на

стационарном излечении в психиатрической больнице. Правда, в две тысячи шестнадцатом году осенью, когда у всех шизофреников усиливается так называемая продуктивная симптоматика, Шкаликов заявился в Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве на Арбате и стал требовать, чтобы его немедленно взяли под стражу за убийство первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Цвигуна.

Несмотря на тяжесть заявления, случай выглядел забавным и вызывал у следователей лишь легкие улыбки.

– Это я его порешил! – продолжал кричать Шкаликов прямо на лестнице, после того как его вежливо выставили за дверь. – Прямо на конспиративной квартире! А потом отвез на дачу и там все обставил так, будто генерал застрелился.

Однако Шкаликову этого было недостаточно, он самоотверженно предпринял несколько попыток прорваться к руководителю следственного управления, после чего был вызван полицейский наряд, и Аркадия Денисовича прямиком отвезли в Арбатский отдел МВД, где его закрыли в обезьяннике. Но Шкаликов не унимался и там: требовал снять с него показания по делу об убийстве генерала Цвигуна. Наконец его привели в кабинет заместителя начальника полиции майору Удмуртову для личной беседы. Офицер оказался весьма терпеливым человеком (а может, на тот момент у него не было каких-то важных дел), и он терпеливо выслушал «исповедь». А когда признание было закончено, сдержанно заметил, что на момент гибели генерала самому Шкаликову было всего-то лет десять. Аркадий Денисович уверенно отвечал на неприятный выпад:

– У меня с раннего детства обнаружился криминальный талант.

Майор Удмуртов пообещал завести на него уголовное дело, заверив, что упечет его за решетку лет на двадцать, чем существенно поднял настроение Аркадия Денисовича. В действительности он поступил человеколюбиво и единственно правильно, как сделал бы на его месте всякий разумный человек. Скоренько вызвал по телефону бригаду скорой психиатрической помощи. Прибывшие в отделение полиции крепкие ребята-фельдшеры в синих костюмах с белыми поперечными полосами на рукавах и штанинах профессионально и вежливо, подхватив Шкаликова под локотки, вывели его из отделения, усадили в белый фургон с красной полосой и увезли в только им одним известном направлении.

Восемь месяцев об Аркадии Денисовиче Шкаликове ничего не было слышно. Многие стали подумывать, что в психбольнице он пришелся ко двору. И вот прямо с раннего утра двенадцатого июля две тысячи семнадцатого года он снова возник (как горячий пирог из печки!).

Его заявление о том, что труп в Москве-реке – это только начало, майор юстиции Шамов тогда пропустил мимо ушей (чего только не скажет душевнобольной). Но ему еще не раз придется вспомнить эту пророческую фразу…

* * *

Убийство на Пушкинской набережной действительно выглядело очень необычным. Дежурная следственно-оперативная группа, прибывшая седьмого июля около восьми утра по вызову на место обнаружения трупа, была шокирована произошедшим. Конечно, начальнику группы следователю Кириченко, оперативнику, эксперту-криминалисту и тем более судмедэксперту, по своей службе приходилось видеть всякие трупы. Включая тела без кистей рук, без голов, раздавленные, побитые, деформированные, а однажды даже с отрезанными гениталиями. Но то, что предстало их взорам, они видели впервые.

Во-первых, труп находился в мешке. Он был развязан. Веревка, которой, очевидно, ранее была завязана горловина мешка, лежала рядом на ступеньке.

Мешок лежал частично в реке, частично на последней к воде ступеньке, выше которых начинались площадки для загара. По случаю паршивой погоды и беспрерывных дождей – таким нынче выдалось лето – площадки для загара были безлюдны. Если не считать худого жилистого старикана-физкультурника в слегка помятых трусах с красными полосами по бокам и черной майке с крупной надписью на груди: «СССР». Каждое раннее утро и независимо от погоды он истязал себя пробежкой трусцой вдоль правого бережка Москвы-реки. В этот раз, пробегая любимым маршрутом, он увидел обыкновенный ничем не примечательный холщовый мешок. Любопытство взяло верх – физкультурник спустился с набережной, подошел к мешку и развязал его. То, что он увидел в нем, заставило его невольно крякнуть (был бы валидол, так он непременно положил бы его под язык), и старик тотчас потянулся к кармашку на поясе, в котором находился мобильный телефон.

– Внучка заставляет меня брать на пробежки с собой телефон, – будто оправдываясь в чем-то, сказал позже старикан-физкультурник допрашивающему его следователю Кириченко. – Верно, боится, что со мной может что-нибудь приключиться…

Старикану было явно за семьдесят, поэтому опасения внучки были вполне обоснованны. Загорелый (когда только он успел в нынешнее-то лето) и жилистый, он выглядел вполне здоровым человеком, и охотно верилось, что он протянет без особых проблем еще лет тридцать.

Увидев содержимое мешка, старикан снял с мобильного телефона чехольчик и набрал 102. Когда ему ответили, старик подробно рассказал про мешок, где он находится и что в нем лежит. На вопрос, кто говорит, старикан-физкультурник честно назвался: Куприянов Роман Степанович.

– А вы бы могли остаться и подождать, пока мы приедем? – спросили в трубке.

– Могу, – коротко ответил Роман Степанович. А потом добавил: – Только вы не очень задерживайтесь, а то тут ветрено, а я вспотел. Боюсь заболеть.

К здоровью физкультурник относился трепетно.

Пока к месту нахождения мешка ехала следственно-оперативная группа, старик Куприянов делал различные гимнастические упражнения на шею и плечевой пояс. Когда приехали полицейские, Роман Степанович, размяв тазобедренные суставы и присев пятьдесят раз, уже ходил по периметру площадки гусиным шагом. Он был еще тот живчик: не стоял на месте, даже когда его допрашивал следователь дежурной группы, то разминал кисти рук, стопы ног, то вдруг начинал мелко и часто прыгать на месте. Энергии в нем было больше, чем у всей следственной группы, так что ему можно было где-то позавидовать.

Вторая странность заключалась в том, что труп в мешке был совершенно голый. В-третьих, необычным было то, что убитый был специфически связан. Руки жертвы были заведены ему за спину и завязаны от локтей и до кистей веревкой. Колени были притянуты к животу этой же веревкой, перекинутой через спину и плечи. Голова, в свою очередь, была притянута к коленям при помощи петли с длинным концом, привязанным к веревке, опоясывающей колени.

– Никогда еще такого не видел, – удивленно заявил эксперт-криминалист, когда труп освободили из мешка.

– Признаюсь, я тоже, – угрюмо произнес опер. – Как думаешь, зачем его так связали?

– Наверное, чтобы придать телу более компактную форму, – предположил эксперт. – Чтобы в мешок уместился.

– И все? Может, это ритуал какой-то?

– Может, – неопределенно ответил эксперт, уже занятый своей работой. – Только вот я не понимаю, зачем, нанеся смертельный удар по голове, еще потом и душить. Человек уже умер, а его душат веревкой, нет, скорее шнуром, – указал эксперт на тонкую борозду на шее под веревочной петлей. – Для верности, чтобы вдруг не ожил, что ли? – посмотрел эксперт на следователя. – Может, и правда ритуал какой? И связан он как-то по-особенному? В позе ребенка, находящегося в утробе матери. Похоже, что у нас появился новый маньяк. Эти ребята очень изобретательны в своих делах.

В-четвертых, жертва была убита ударом по голове тяжелым тупым предметом с ограниченной поверхностью (так записал в своем протоколе эксперт после осмотра трупа судмедэкспертом), после чего была еще и задушена.

В-пятых, всех смущала цифра «2», выведенная на лбу трупа какой-то несмываемой краской. Наличие цифры тоже вызвало у эксперта и следователя мысль о ритуальном убийстве и о появлении в Москве нового маньяка. Таковые в последнее время плодились в городе, как кролики… И непонятно, в чем тут была причина, не то на них действовал перепад атмосферного давления, не то ухудшение экологической обстановки в городе.

– Или убийца просто метит свои трупы, и это у него вторая по счету жертва, – резонно предположил эксперт-криминалист.

– Хм, так сказать, ведет статистику, чтобы не подзабыть. Может, оно и так, – согласился следователь группы. – Оригинальная личность. – Потом, обращаясь к судмедэксперту, спросил: – Когда предположительно произошло убийство?

– Поскольку трупное окоченение явно выражено, плюс к этому наблюдается полная фиксация позы трупа – то есть если мы разрежем все веревки, то поза трупа не изменится, – можно сделать вывод, что смерть наступила не менее шести часов назад, но, скорее всего, больше, поскольку труп частично пролежал в холодной воде, что замедлило процесс разложения биомассы. Так что предположительное время убийства – это вечер вчерашнего дня…

Шамов приехал на Пушкинскую набережную в десятом часу. Помимо микроавтобуса, на котором прибыла следственно-оперативная группа, на набережной уже стояла «Газель» для перевозки трупов и около нее двое скучающих санитаров-труповозов с пластиковым мешком и носилками, ожидающие разрешения забрать тело.

– Старший следователь-криминалист Следственного управления СК майор юстиции Шамов, – представился Сергей Иванович руководителю следственно-оперативной группы, безошибочно определив в ней главного.

– Быстро вы, – пожимая руку Шамову, произнес следователь Кириченко. – Что, берете это дело в свое производство?

– У меня на руках пока только письменное поручение принять участие в осмотре трупа и, если потребуется, в сопровождении следственных действий, – ответил районному следователю Сергей Иванович.

На ум вдруг пришла киношная фраза: «Ну, что здесь у нас?», повторяющаяся из раза в раз едва ли не в каждом детективном сериале. И он удержал себя от соблазна последовать примеру. Вместо этого спросил разрешения у Кириченко осмотреть труп и побеседовать со свидетелем, экспертом-криминалистом и судмедэкспертом. Следователь не возражал.

Шамов подошел к старику-физкультурнику и, поздоровавшись и назвав себя, произнес:

– Не могли бы вы мне повторить все, о чем вы рассказали следователю?

– А потом вы меня отпустите? – поинтересовался старикан. – А то внучка уже два раза звонила. Беспокоится. А потом что-то в горле запершило, боюсь, ангина будет. Ветрено тут.

– Это как решит руководитель следственно-оперативной группы, – ответил Шамов.

– Потом отпустим, – сказал слышавший разговор следователь Кириченко. – Подпишете протокол – и пойдете домой.

– Слава богу, – буркнул старикан-физкультурник и вопросительно посмотрел на Шамова, ожидая вопросов. – А то я уже счет времени потерял.

– Это вы обнаружили труп и позвонили в полицию? – задал первый протокольный вопрос Сергей Иванович.

– Да. Только сначала я увидел мешок. Спустился с набережной, развязал, увидел голые ноги… И сразу позвонил в полицию.

– А поблизости заметили кого-нибудь?

– Нет, – не раздумывая, ответил Роман Степанович. – Поблизости никого не было. Это точно!

– Вы часто бегаете по утрам? – поинтересовался Шамов.

– Всегда! – не без гордости ответил старик. – Какая бы погода на улице ни стояла.

– И никто вам не попался навстречу?

– Когда я подбегал к беседке, мимо меня пробежал высокий парень.

– Высокий – это какой? – задал вопрос Шамов, чтобы поконкретнее уточнить рост парня.

– Ну, вот такой примерно, – показал ладонью старик много выше своей головы.

– Метр восемьдесят минимум, – заключил для себя Сергей Иванович. – А что это был за парень, его возраст, во что был одет? – закидал старика новыми

вопросами Шамов.

– Парень как парень, с виду обыкновенный… В белых кроссовках и темно-синем спортивном костюме с накинутым на голову капюшоном, – ответил старик. – Поэтому лица-то не особо было видно.

– И все же? – спросил Сергей Иванович. – Может, что-то вы успели рассмотреть. Постарайтесь вспомнить.

Старик немного подумал:

– Нет, не могу ничего сказать про его лицо. Разве только нос…

– Что – нос? – быстро спросил Шамов.

– С горбинкой он был, – ответил старик-физкультурник.

– А возраст парня? – задал новый вопрос Сергей Иванович. – Хотя бы примерно?

– Ну, примерно лет двадцать семь – двадцать восемь, – не очень уверенно ответил старик. И добавил: – Может…

– Может… – повторил скорее для себя Шамов. – А на его костюме были какие-нибудь надписи или рисунки? – достал он из кармана потрепанную записную книжицу и что-то черкнул в ней.

– На рукавах были белые полоски… А на левой стороне груди были какие-то иностранные буквы, – задумчиво произнес Роман Степанович.

– Какие буквы?

– Сейчас, – наморщил лоб старик. – А, вспомнил! – победно посмотрел на следователя Шамова Роман Степанович. – На фоне американского флага были три заглавных буквы «HIS».

– Это точно? – переспросил Сергей Иванович.

– Точно, – заверил его старикан и снова начал мелко и быстро прыгать на месте, как если бы намеревался совершить забег. Наблюдать за этими прыжками крепко пожилого человека, наверное, было бы забавно. Но Шамов был задумчив и смотрел в свою записную книжицу. Потом снова спросил:

– А вы этого парня до сегодняшнего дня видели?

– Нет, – уверенно ответил старикан и перешел на шаг на месте. – Сегодня – в первый раз.

– Спасибо, – произнес Сергей Иванович, снова что-то черкнув в записной книжке. – Лично я вас больше не задерживаю.

Через несколько секунд Шамов спустился к трупу и, осмотрев, как он был завязан, присел возле тела на корточки.

Удар был нанесен в затылочную часть головы. Значит, били жертву сзади. Если бы били спереди, удар пришелся бы в область лба. Ударили сильно и, скорее всего, неожиданно для потерпевшего. Отсюда на теле не видно следов борьбы и признаков сопротивления…

– Я правильно понимаю, что били молотком или топориком? – обернулся Шамов к судмедэксперту.

– Правильно, – услышал ответ Сергей Иванович. – Думаю, скорее это был молоток. При ударе топором площадь поражения была бы больше.

– Согласен, – произнес Шамов. – Удар был смертелен?

– Да, полагаю. Причина смерти как раз удар молотком, – отозвался судмедэксперт.

– А удушение произошло после удара молотком? – опять спросил Сергей Иванович.

– Судя по следам удушения, позже, – ответил судмедэксперт. – Более точно покажет вскрытие. Все детали будут изложены в экспертном заключении.

– Тогда зачем его потом душили? – спросил Шамов с нотками удивления в голосе. – На всякий случай, что ли?

– Возможно, и так, – отозвался следователь Кириченко. – А может, это просто бзик маньяка.

– А этот убийца большой перестраховщик… Думаете, орудовал маньяк? – обернулся в сторону районного следователя Шамов.

– Очень похоже на это, – довольно твердо ответил Кириченко. – Видите цифру два на его лбу?

– Конечно, – Сергей Иванович опять повернулся к трупу и посмотрел на цифру «2», выведенную на лбу жертвы.

– Вряд ли эта цифра поставлена просто так. В нее вкладывался какой-то смысл. Не исключаю, что это количество жертв. Если это так, тогда был и первый труп. Возможно, будет и третий, – многозначительно добавил Кириченко.

– Может быть, и так.

Шамов поднялся с корточек. Посмотрел на мешок. Взял его и встряхнул. Из него выпали несколько зернышек овса.

– Приобщите, пожалуйста, к вещдокам, – обратился он к эксперту-криминалисту.

Тот подошел к зернам, наклонился, аккуратно собрал их в полиэтиленовый пакетик, закрыл его и положил в свой полипропиленовый чемоданчик со множеством кармашков, нишами, петельками-держателями.

– Убили его, конечно, не здесь, – уверенно произнес Шамов, уже ни к кому не обращаясь.

– Не здесь, – охотно согласился стоявший рядом судмедэксперт.

– А когда убили? – посмотрел на него Сергей Иванович.

– Вчера вечером или в начале сегодняшней ночи, – ответил судмедэксперт. И добавил: – Точное заключение о времени смерти будет отражено опять же в экспертном заключении после вскрытия.

– А когда я смогу получить это заключение? – поинтересовался Шамов.

Судмедэксперт посмотрел на следователя Кириченко. Тот поднял взгляд и спросил Шамова:

– Значит, берете это дело в свое производство?

– Убийство, да еще такого рода, относится к подследственности Следственного комитета, – ответил Сергей Иванович. – Тут уж хочешь не хочешь, а надо брать в наше производство… Но, судя по всему, дело обещает быть непростым.

– Это да, – то ли согласился, то ли выдохнул с облегчением следователь Кириченко.

– Завтра в середине дня заключение будет готово, – ответил на вопрос Шамова судмедэксперт.

– Хорошо. Завтра к вам заедет мой помощник и заберет заключение. А заодно и дело с вещдоками. Успеете все оформить и приготовить? – посмотрел на районного следака Сергей Иванович.

– Успеем, – заверил Шамова Кириченко.

– Успехов вам, – пожал следователю руку Шамов и, кивнув остальным, поднялся на Пушкинскую набережную.

– Тело-то можно забирать? – спросили у него заскучавшие санитары труповозки.

– Думаю, можно, – ответил им Шамов и пошел к своей машине.

Снова стал накрапывать неприятный дождик. Зарядил он, видать, надолго, поскольку небо сплошь было затянуто серыми тучами. И просвета между ними

не было никакого.

Что за год такой выдался! И весны как таковой нынче не случилось: одна грязь да слякоть вместо ласкового солнышка; середина июля не за горами, а лета как не было, так и не предвидится…

Глава 2. Мозговой штурм

Майор юстиции Шамов до последнего времени любил работать один. Лучше и надежнее делать все самому – таков был его девиз. Все под контролем, все нити в одних руках. И если какая ниточка порвется, то винить некого, кроме себя. А с собой Сергей Иванович Шамов как-нибудь договорится. Ну, а коли имеется необходимость – всегда можно подключить оперативников, которые хоть и не будут находиться в прямом подчинении у следака, но его поручения выполнять обязаны.

Однако начальник Шамова полковник Лебешев полагал иначе. С полгода назад он пришел в его кабинет вместе с каким-то худосочным лейтенантом и заявил:

– Для раскрытия тяжких и особо тяжких деяний, особенно когда время упущено и по горячим следам не случилось за что-либо зацепиться, – найти мотив и подозреваемых, – нужна следственная группа, состоящая хотя бы из следователя-руководителя и его помощника. Он будет нечто вроде личного секретаря… По своему статусу помощник не имеет права самостоятельно осуществлять расследование по уголовному делу, но зато может исполнять разного рода поручения следователя и осуществлять техническую и организационную помощь при раскрытии преступлений. – Показав на лейтенанта, находившегося в кабинете, едва ли не с воодушевлением продолжил: – Представляю тебе помощника…. Лейтенант юстиции Анатолий Колесов. По должности – помощник следователя. Будет тебе помогать. Заодно и стрелять научишь, – покосился Лебешев на грамоту в рамке, висевшую над столом Шамова и сообщающую, что выдана она капитану юстиции С. И. Шамову за отличные успехи в стрельбе из пистолета Макарова в 2014 году.

– Вас понял, – без интонации ответил Шамов, мельком взглянув на долговязого стриженого лейтенанта.

Собственно, против личного секретаря Шамов ничего не имел – надо же кому-то и черновой работой заниматься. Поначалу усадил Колесова за канцелярскую работу: недели две мурыжил лейтенанта отчетами и разными справками. Потом велел привести в порядок накопившиеся бумаги, заставлял перепечатывать досье и всевозможные справки, ожидая со стороны лейтенанта тихого бунта под лозунгом дать «настоящую работу». Но Колесов молча исполнял порученное дело и лишь изредка с укоризной поглядывал на Шамова.

Надо сказать, что с канцелярской работой помощник следователя справился отменно. В характере парня был заложен какой-то педантизм, чего так не хватало самому майору Шамову. Все бумаги, что должны были быть подшиты, аккуратно лежали на своих местах подшитыми. Отчеты были написаны грамотно, сдавались своевременно; планы мероприятий, следственные действия и протоколы выполнялись в срок. Положительные преобразования, случившиеся с Шамовым, не ускользнули от глаз управленческого начальства, и однажды на совещании следственных групп его поставили в пример всем остальным.

По окончании третьей недели существования «следственной группы Шамова» Сергей Иванович дал лейтенанту юстиции поручение вызвать на допрос свидетеля. Колесов свидетеля привел, причем тот ответил на все интересующие Шамова вопросы весьма охотно, хотя, как признался позже, ему несколько раз звонили и угрожали расправой. Что такого сказал помощник следователя свидетелю, что тот с ходу дал показания, Сергей Иванович спрашивать не стал, однако было ясно, что со свидетелем была произведена «правильная работа».

После этого случая Шамов стал давать своему помощнику отдельные поручения, которые техническими и организационными назвать уже было сложнее. Лейтенант юстиции Колесов со всеми поручениями справлялся. А поскольку работу с документами Шамов ему не отменял и Колесов находился в курсе всех дел, находящихся в производстве у Шамова, майор стал использовать его как оппонента или союзника в отработке своих версий и участника мозгового штурма.

Обычно дело проходило таким образом: он сажал лейтенанта напротив себя и начинал размышлять об очередном деле вслух, как бы разговаривая с самим собой. И получал вопросы, которые сам себе он вряд ли с ходу бы задал и которые требовали прямых и скорых ответов.

Вот и сейчас, когда Колесов пришел в кабинет Шамова, привезя от следователя Кириченко вещественные доказательства и папку с делом об убийстве неизвестного на Пушкинской набережной в Москве-реке, Сергей Иванович усадил помощника напротив себя и стал размышлять.

– Итак, – начал он веско. – Вчера, седьмого июля, поутру в Москве-реке на Пушкинской набережной был найден неустановленный труп мужчины. Он был связан и находился в мешке, в котором было обнаружено несколько зернышек овса. Возможно, это зацепка, которую я пока не знаю, как использовать…

– А может, зернышки просто подбросили, чтобы сбить следствие с толку, – заметил Колесов без всякой вопросительной интонации.

– Может, оно и так, – согласился Шамов. – Но не исключаю и того, что в мешке, до того, как в него засунули связанный труп, хранился овес. А сам мешок стоял в какой-нибудь конюшне… Ладно, пошли дальше… По предварительному заключению судмедэксперта, мужчина был убит ударом тупого предмета с ограниченной поверхностью в затылочную часть головы. А точнее говоря, убит ударом молотка по темечку. – Шамов посмотрел на папку в руках Колесова: – Медицинское заключение привез?

– Да, вот оно, – достал из папки несколько листочков лейтенант юстиции.

– Что там? – спросил Шамов.

– «Департамент здравоохранения города Москвы, городское бюро судебно-медицинской экспертизы…»

– Этого не надо читать, – оборвал лейтенанта Колесова Сергей Иванович. – Саму суть давай…

– Так… экспертиза начата тогда-то… эксперт Касаткин, первая квалификационная категория, – начал выборочно прочитывать заключение Колесов. – Ага, нашел… «Обнаженный труп мужчины славянской внешности, правильного телосложения, длина тела сто восемьдесят семь сантиметров, холодный на ощупь. Возраст покойного от тридцати до тридцати двух лет. Глаза закрыты. Роговицы тусклые. Рот закрыт. Язык находится в полости рта за линией зубов. Зубы целы. На лбу краской на акриловой основе выведена цифра «два»…

Имеющееся трупное окоченение второй стадии присутствует во всех группах мышц. Время наступления смерти в связи с частичным нахождением трупа в воде определяется с двадцати часов шестого июля сего года до часу ночи седьмого июля… Причиной смерти является круглый дырчато-вдавленный перелом тупым предметом с ограниченной поверхностью затылочной кости с нарушением целостности черепа, разрывами кровеносных сосудов и кровоизлиянием под оболочку головного мозга…»

– Диаметр перелома указан? – спросил Шамов.

– Да. Минимальный диаметр дырчатого перелома тридцать восемь миллиметров.

– Ну да, это будет молоток, – уверенно произнес Сергей Иванович. – Молоток с круглым бойком, – в задумчивости добавил он и посмотрел на помощника: – Что думаешь по этому поводу?

– Что связанный человек в мешке был убит ударом молотка с круглым бойком, – уверенно ответил Колесов.

– Похвально, у тебя аналитический склад ума, – похвалил майор. – Набор инструментов дома есть? – искоса посмотрев на помощника, спросил Шамов.

– Конечно, – ответил Колесов.

– Молоток там имеется?

– Будет и молоток, – снова ответил помощник следователя.

– Он слесарный, верно? – снова покосился на Колесова Сергей Иванович и, увидев на его лице сомнение, добавил: – Слесарный, значит, имеющий два бойка: квадратный тупой с одной стороны и заостренный – с другой. Такой у тебя молоток?

– Такой, – промолвил лейтенант юстиции.

– У меня тоже такой, – буркнул Шамов. – А боек круглый имеется у сапожных молотков. Такой у тебя есть?

– Нет, – быстро ответил Колесов.

– Не нажил, значит… И у меня нет. А у убийцы имется. Что это значит? – снова посмотрел на своего помощника Сергей Иванович.

– Что убийца – сапожник, – неуверенно предположил Колесов.

– Возможно. Но не факт, – раздумчиво произнес старший следователь-криминалист.

– Не исключено, что он сапожный молоток у кого-то позаимствовал.

– Ты, лейтенант, смотришь в самую суть! То, что для убийства он использовал сапожный молоток, есть несомненная зацепка. Давай дальше…

Колесов кивнул и продолжил читать заключение судебно-медицинской экспертизы:

– «На передней левой и средней трети шеи трупа имеется странгуляционная борозда от веревочного шнура. Отсутствие характерных кровоподтеков и прижизненных изменений кожного покрова позволяет говорить об удушении тела, произведенном уже после смерти. Посторонних биологических следов и признаков, указывающих на возможную борьбу и самооборону, на теле не обнаружено…»

– Половые органы, задний проход? – поинтересовался Шамов.

– Без повреждений, – ответил Колесов, не отрываясь от судебно-медицинского заключения.

– А что показало вскрытие?

– Сейчас… Так, внутреннее исследование трупа… Ну, что, – после прочтения этой части заключения изрек лейтенант Колесов, – проба Брокариуса показала, что удушение не являлось прижизненным… В брюшной полости посторонних жидкостей нет. В желудке остатки полупереваренной пищи…

– Ладно, здесь все понятно, – заключил Шамов. – Итак, что мы имеем? А имеем мы труп некогда вполне здорового человека тридцати с небольшим лет. Убийца подбирается к нему неожиданно сзади, быстро и сильно бьет жертву молотком в темя, потом душит жертву, уже не подающую признаков жизни, для верности или просто по установленной схеме убийства. Что это значит? – скорее самого себя, нежели Колесова, спросил Сергей Иванович. Не дожидаясь ответа, продолжил: – А это значит, что свершенное убийство у нашего «Сапожника» не первое. На что недвусмысленно указывает и цифра «два», нарисованная на лбу жертвы. Очень может быть, что в первый раз удар молотка не убил жертву, а всего лишь ранил. Она стала сопротивляться, и убийца добил жертву, задушив ее веревкой. После этого случая «Сапожник» вменил себе в правило душить жертву после удара молотком, независимо от того, подает она признаки жизни или нет, так сказать, для страховки. – Сергей Иванович чуть помедлил… – Это только предположение, разумеется, но полагаю, что его стоит проверить… Значит, задача номер один: надлежит узнать, были ли подобные убийства в Москве и области за последнее время. И если были, было ли такое убийство с нанесением на лоб жертвы цифры «один». Возьмись-ка за это, лейтенант. Я уже давно обратил внимание, что у тебя самый настоящий оперативный талант! И с моей стороны было бы служебным преступлением его не использовать.

– Понял, товарищ майор. За какой период брать? – спросил Колесов.

– За год. Нет, – поправился Шамов. – Давай за пять лет.

– Ого!

– Другому я бы сказал за последний месяц, а тебя, я знаю, трудности не пугают.

Лейтенант Колесов поднялся и пошел к своему компьютеру.

– Куда? – спросил его Сергей Иванович.

– Искать по нашей базе аналогичные убийства, – ответил Анатолий.

– Мы еще не закончили, – буркнул Шамов.

Колесов вернулся и сел на прежнее место.

– Идем дальше, – продолжил мозговой штурм Сергей Иванович. – Что «Сапожник» делает после удушения? Убедившись, что тело жертвы бездыханно, он раздевает его и связывает так, чтобы тело стало компактным и поместилось в мешок. Затем он завязывает мешок, отвозит его на набережную в безлюдное время, скорее ночью, и сбрасывает в Москву-реку. Зачем? Почему бы не закопать труп, тем самым скрыв преступление? Что можешь на это сказать? – обратился к своему помощнику Шамов.

– Он хотел, чтобы труп нашли, – чуть подумав, ответил Колесов. – Я слышал, что есть маньяки, которые хотят, чтобы их поймали. Может, «Сапожник» из их числа?

– Парень, ты просто кладезь знаний! Возможно, что так оно и есть, – согласился Шамов. – А может, он просто хочет, чтобы о нем знали в городе. Потому метит свои жертвы и не скрывает их… Но пока меня занимает другой вопрос.

– Где «Сапожник» убивает? – предположил Колесов.

– Именно! – с одобрением посмотрел на помощника старший следователь-криминалист. – Все его действия происходят в укромном месте или в помещении, где его никто не может потревожить. Ведь нужно время, чтобы убить, придушить, раздеть труп, связать его, засунуть в мешок. А потом, дождавшись темноты, вывезти его или вынести на спине, если позволяют силы, на набережную и сбросить в реку. Я склоняюсь к тому, что убийство произошло недалеко от Пушкинской набережной. Везти труп откуда-то издалека, пусть и ночью, чревато тем, что может остановить патруль ДПС и провести досмотр машины, а нести такой мешок издалека на спине тоже чревато – и увидеть могут, да и уж больно тяжко. Значит, задача номер два: следует прочесать укромные места, прилегающие к Пушкинской набережной. Такие места могут быть в Нескучном саду и парке Горького. Придется обращаться за помощью в райотдел. Это я беру на себя… Как самую трудную часть работы. Есть еще задача номер три: установить личность человека из мешка. Фотография в деле есть, попробуй найти по ней. И еще просмотри базу заявлений о пропажах людей. Может, кто-то и обнаружится…

– А предположительный мотив? – задал вполне резонный вопрос лейтенант Колесов.

– Да что угодно, – глянул на своего помощника Шамов. – Это может быть вспышка гнева. Или месть. Или он просто хочет привлечь к себе внимание… – Сергей Иванович немного подумал и добавил: – Думаю, последнее. Цифра на лбу жертвы это подтверждает.

– Согласен, – сказал Колесов.

– Рад, что ты со мой согласен, – с иронией посмотрел на помощника Шамов. – Ну, чего сидим, кого ждем? У тебя две задачи: найти подобное преступление и определить личность жертвы. Вперед!

Глава 3. Труп с цифрой «3»

С помощью полковника Лебешева, который в понедельник позвонил куда надо и попросил кого надо, выделенные следственному управлению полицейские наряды прочесали все укромные уголки Нескучного сада и парка Горького. Однако, кроме пустых пивных банок, использованных шприцев, осклизлых презервативов и кучек того, что остается от человека, когда он, сняв штаны, посидит какое-то время на корточках, ничего путного обнаружить не удалось. По лицу майора юстиции Шамова, лично присутствующего во время прочесывания полицейскими сада и парка, было непонятно, доволен он таким итогом или был обескуражен. С одной стороны, можно было посчитать, что результат получен положительный: ни одежды жертвы, ни места убийства со следами крови и кусками веревки найдено не было. С другой стороны, отрицательный результат тоже результат. Значит, убийство произошло в одном из строений, расположенных недалеко от набережной. Это уже вырисовывалась конкретика. И такое строение нужно отыскать…

Вернулся Шамов с прочесывания мест отдыха москвичей и гостей столицы уже под вечер.

– Ну, как? – встретил его Колесов.

– Никак, – ответил Сергей Иванович. – У тебя что?

– Тоже ничего. Убийств со схожим почерком в Москве и области за последние пять лет не было.

– А по стране посмотреть не догадался? – с трудом сдерживая недовольство, буркнул Шамов.

– Догадался, – ответил Колесов. – Не было подобных преступлений.

– А с установлением личности что? – уже без всякой надежды спросил Шамов.

– Тоже ничего, – услышал он то, что и ожидал услышать.

Это был тупик. Даже если посчастливится найти место преступления, это мало что даст…

– О нас уже в газетах пишут, – после затянувшегося молчания кивнул в сторону пачки газет Анатолий. – В смысле, о преступлении. И откуда только они все знают.

– Следователь дежурной группы, эксперт, опер, судмедэксперт… Кто-то из них мог слить информацию. По дружбе или за денежку, – без интонации произнес Сергей Иванович и достал из стопки популярную московскую газету. На первой полосе был заголовок:

«УБИЙСТВО НА ПУШКИНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ»

Автор материала хорошо знал свое дело: имел острое перо, прекрасно разбирался в криминальной тематике, умел завлечь читателя, так что после прочтения очередного абзаца хотелось читать дальше. Майор Шамов поначалу не хотел вникать, просто посмотрел по диагонали, но неожиданно для себя прочитал статью до конца. Труп в мешке, его странная поза, похожая на позу младенца в утробе матери; рана на темени, следы от посмертного удушения, цифра «2» на лбу. Даже несколько зернышек овса, выпавшие из мешка, были упомянуты автором газетного материала.

В конце автор статьи задавался несколькими вопросами…

Кто убитый?

Почему он был засунут в мешок?

Зачем его душили после смерти?

Что означает цифра «2» на лбу: какой-то ритуал или то, что обнаруженный труп не первый?

И что было уже совсем ни к чему, в самом конце статьи указывалось, что дело передано в Следственное управление СК РФ и ведет его старший следователь-криминалист майор юстиции Шамов, которому придется поломать голову над столь необычным и полным загадок убийством. Далее шла приписка, обращенная к жителям Москвы, с просьбой не оставаться безучастными и в случае обладания информацией по убийству на Пушкинской набережной сообщить все, что они знают, по такому-то телефону или такому-то адресу.

«Ну, сейчас начнется», – подумалось Сергею Ивановичу.

Опасения не заставили долго ждать подтверждения. Этим же вечером в кабинет Шамова привели старушку, которая безапелляционно утверждала, что «убивец тово человека из мешка» проживает на одной с ней лестничной площадке.

– Вы в этом уверены? – с большим сомнением спросил бабку Сергей Иванович.

– А то, – с воодушевлением отвечала старушка. – У ево музыка каженный вечер играет на всю мощь и девок он к себе водит всякий раз разных. Пьянствуют они и наркоманят. Стало быть, он убивец и есть.

– Ясно, – уныло посмотрел в окошко Шамов.

Вторник выдался и вовсе горячий: звонки буквально доставали! Абоненты на том конце провода сообщали адреса подозреваемых и просили срочно их арестовать. Лейтенант Колесов выезжал с нарядом по адресам и всякий раз, вернувшись, говорил одно, глядя поверх головы Шамова:

– Пустышка.

В среду двенадцатого июля заявился этот самый Аркадий Денисович Шкаликов, на которого у Сергея Ивановича уже не хватило терпения. А дело по трупу на Пушкинской набережной по-прежнему не двигалось…

После двенадцати Шамова вызвал к себе полковник Лебешев:

– Что выполнено по представленному мне плану мероприятий по делу «Сапожника»?

– Все, – коротко и очень емко отрапортовал Шамов.

– И каковы результаты? – спросил полковник юстиции с некоторым недоверием.

– Их нет, – так же четко ответил Сергей Иванович.

– Я вижу, что нет, – ворчливо произнес Лебешев. – А когда будут, Сергей Иванович?

– Работаем, Геннадий Викторович, – ответил Шамов расхожей фразой.

– Ну вот, чтобы работалось лучше, примите в свое производство еще одно дело. На первый взгляд с вашим делом ничего общего, – заключил Геннадий Викторович.

– Тогда почему мне? – спросил Сергей Иванович.

– У жертвы на лбу написана цифра «три», – сообщил Лебешев и многозначительно посмотрел на Шамова.

* * *

Восьмиэтажный кирпичный дом на Балтийской улице ничем не отличался от домов поздней сталинской постройки. Первый этаж занимали салон дорогущих

итальянских дверей, аптека, экспресс-кафе и чудом сохранившаяся еще со времен Никиты Хрущева библиотека.

Дверь углового подъезда дома была раскрыта настежь, и возле нее стоял хмурого вида полицейский сержант. Выйдя из машины и показав удостоверение следователя Следственного комитета, Шамов с Колесовым прошли в подъезд и пешком поднялись на четвертый этаж. Возле одной из квартир, двери которой опять-таки были раскрыты настежь, стоял еще один полицейский. Показав удостоверение и ему, старший следователь-криминалист с помощником вошли в квартиру.

– Вы кто, товарищи? – вышел из кухни навстречу Шамову и Колесову средних лет мужчина с проседью в висках.

– Старший следователь-криминалист Следственного управления Шамов, – представился Сергей Иванович, не посчитав нужным представить лейтенанта Колесова.

– Ну наконец-то, – пробурчал мужчина с проседью в висках. – Заждались мы вас прямо… Нам сказали, что приедут из СК и заберут это дело. Ждем вас, ждем…

– Пробки, – произнес Сергей Иванович сакраментально-актуальную для Москвы фразу. – Как говорится, не на крыльях…

– Это да, – сочувственно-понимающе кивнул мужчина с проседью. – Проходите.

Шамов с Колесовым прошли на кухню. Зрелище, что предстало их взору, наверное, было бы чересчур даже для самого воспаленного мозга. На кухне, в луже крови, лежала груда человеческих частей тела. Лейтенанта Колесова замутило, и он едва удержался, чтобы не стравить прямо на пол.

– Это был семилетний мальчик Коля Куницын, – севшим голосом произнес мужчина с проседью на висках. – Одиннадцать ударов топором, – добавил он глухо. – Орудия преступления не найдено. Улик никаких. Трудно вам будет этого упыря найти…

Майор Шамов посмотрел на человека с проседью и ничего не сказал. Ему приходилось видеть порубленные топором тела. Детских тел, изрубленных топором, он еще не видел.

– Это случилось часов пять-шесть назад, – подошел к Шамову эксперт. – Значит, где-то в одиннадцать-двенадцать дня… – Эксперт немного помолчал и добавил: – Цифра на лбу мальчика выведена краской на акриловой основе. – Эксперт опять помолчал и спросил: – У нас что, новый серийный убийца появился?

– Пока сложно что-то сказать, – произнес Сергей Иванович и посмотрел на мужчину с проседью на висках: – А что говорят соседи?

– Соседи с этой площадки ничего не говорят, – ответил седоватый. – Справа живет одна старуха глухая, у нее телевизор целый день орет, так что она ничего не слышала, да и не могла слышать. Слева двери нам не открыли. Нет никого. А вот в квартире этажом ниже нам сказали, что сегодня около половины одиннадцатого к ним приходил молодой человек лет под тридцать. Сказал, что проводит профилактический осмотр. Проверил вентиляцию на кухне, газовую плиту и ушел.

– Пойдемте, – кивнул мужчина с проседью.

Втроем спустились ниже этажом. Седоватый позвонил в одну из квартир. Открыли сразу.

– Извините, с вами можно еще раз побеседовать? – спросил мужчина с проседью.

– Ну, а чего же нельзя? – ответила женщина в халате, посматривая на Шамова и, верно, принимая его за большого начальника.

– Расскажите еще раз про этого работника из ЖЭКа, – попросил Сергей Иванович.

– Ну, позвонил он… – начала женщина в халате.

– Во сколько это было? – спросил Шамов, доставая свою потрепанную записную книжку.

– Я не смотрела на часы, – последовал ответ.

– Хотя бы примерно?

– Где-то около половины одиннадцатого, думаю, – не сразу ответила женщина.

– Так, он позвонил. А вы?

– Я подошла к двери, посмотрела в глазок и спросила: «Кто»? Разные ведь люди ходят…

– Это точно, – согласился Сергей Иванович.

– А он из-за двери отвечает: «Мосгаз»…

– Как? – переглянулся с седоватым Шамов.

– «Мосгаз», – повторила женщина в халате и продолжила: – Ну, я и открыла… Мы прошли на кухню. У него портфельчик такой в руках, на небольшой чемоданчик похожий… Он из него листок достал, попросил стул или табуретку, я дала. Он встал на нее и прислонил листочек к вентиляции. Листочек прилепился. Он сказал: «Хорошо» и слез с табуретки. Потом подошел к газовой плите и спросил: «Дома еще кто-то есть»? Ну, я машинально ответила: муж, мол, в соседней комнате спит…

– А мужа, насколько я понял, не было, – спросил Шамов.

– Конечно, не было, – посмотрела на него женщина в халате. – Муж был на работе.

Лейтенант Шамов кивнул и посмотрел на женщину: продолжайте, мол.

– Ну, он ручки у плиты покрутил и ушел, – промолвила женщина и замолчала. Потом, очевидно, решившись, заявила: – Вот вы скажите: мы за что за газовое техобслуживание платим? Чтобы раз в год пришел человек, проверил вентиляцию и ручки у плиты покрутил?

Женщина в халате, похоже, и правда принимала Шамова за большое начальство, которое, если пожелает, может разобраться с любой несправедливостью. Сергей Иванович хотел было ответить ей, что он тоже платит за это техобслуживание и тоже не понимает, за что он отдает свои деньги. И что плиту и вентиляцию у него не проверяли ни в прошлом году, ни в позапрошлом. Но он не стал этого говорить и сказал проходную и ни к чему не обязывающую фразу:

– Мы примем ваше заявление к сведению.

– Ага, примите, – ответила женщина и посмотрела на Сергея Ивановича с благодарностью: он хотя бы выслушал (другие-то вообще не слушают) и что-то пообещал…

– Отпечатки пальцев с ручек плиты сняли? – обратился Шамов к мужчине с проседью на висках.

– Их нет, – просто ответил седоватый.

– То есть как нет? – удивился старший следователь-криминалист.

– На ручках плиты вообще не было никаких отпечатков, – пояснил седоватый. – Хозяйка днем плитой не пользовалась, пила только чай, который грела в электрическом чайнике. Преступник умудрился как-то отвлечь внимание хозяйки и стереть свои отпечатки с ручек плиты.

– Ну, значит, человек этот – тот самый, который нам нужен, – заключил Шамов и посмотрел на женщину: – Вас как зовут?

– Марина, – ответила хозяйка, немного смутившись, добавила: – Марина Александровна.

– Вот что, Марина Александровна, – произнес Сергей Иванович и строго посмотрел на хозяйку. – Вам придется проехать с нами и помочь составить фоторобот человека, что сегодня утром приходил к вам. Надеюсь, это не отнимет у вас много времени.

– А-а, это как в кино, да? – не без любопытства поинтересовалась хозяйка.

– Да, как в кино, – подтвердил Шамов. – А пока – опишите, пожалуйста, этого человека.

– Ну, молодой, – стала припоминать внешность утреннего гостя Марина Александровна. – Тридцати, пожалуй, еще нет. Высокий такой, интересный. Короткая прическа…

– Волосы какого цвета? – быстро спросил Шамов.

– Ну, вот как у вас, – глянув на его волосы, ответила женщина.

– А глаза?

– Не помню точно. Тоже, как будто, как у вас.

– Ну а что-то еще вам запомнилось? – с надеждой спросил Сергей Иванович. – Какие-нибудь особые приметы. Шрамы, родимые пятна, может, у него были родинки…

– Да нет, чистое такое лицо… – задумчиво произнесла Марина Александровна. – А, вот! – вспомнила она. – Нос у него был тонкий и с горбинкой.

– Он что, кавказской национальности? – не преминул спросить Шамов.

– Да нет, – снова задумчиво промолвила женщина. – Я бы так не сказала… Хотя…

– А портфель, вы говорите, с ним был…

– Был, – согласно кивнула Марина Александровна.

– Так портфель или все же чемоданчик? – попробовал уточнить Сергей Иванович.

– Помните, раньше студенты с такими чемоданчиками на занятия ходили? Такие, небольшие, дерматиновые… Ну как их… – Марина Александровна впала в задумчивость, вспоминая выпавшее из памяти словечко.

– Дипломаты, что ли? – догадался Шамов.

– Да! – подтвердила женщина. – Вот такой же у него был.

– А как, на ваш взгляд, он был тяжелый? – спросил Шамов.

– Не знаю. Но он был не пустой, это точно, – ответила Марина Александровна.

– А как вы это определили? – поинтересовался старший следователь-криминалист.

– Ну, он его поставил со стуком… И когда брал, было видно, что он не пустой.

– Понял, – с некоторым удовлетворением произнес Сергей Иванович.

– Так это был не газовик? – Женщина спросила это с явной опаской. Правда, запоздалой.

– Нет, не газовик, – коротко ответил старший следователь-криминалист Следственного управления.

– Неужто это был тот самый, что Кольку зарубил? – округлила глаза Марина Александровна. – Тридцать лет в этом доме живу, так ни одного ограбления за это время даже не было. А тут такое…

Она охнула и всплеснула руками.

– Возможно. Но это только пока лишь предположение, – буркнул Сергей Иванович и занялся записной книжкой, явно показывая, что разговор на эту тему закончен.

– Так мне что, собираться? – спросила женщина.

– Да, – не отрываясь от своих записей, произнес Шамов.

– А вы, это, газовиков-то приструните? – робко спросила она и добавила: – Настоящих.

– Разберемся, – буркнул майор Шамов, не поднимая головы. – Сейчас как раз мы по ним специализируемся.

Хозяйка благодарно кивнула и закрыла дверь. Какое-то время она стояла как вкопанная, с ужасом ощущая, как холодные мурашки бегают по всему телу. Только теперь, похоже, до нее дошло, что ей несказанно повезло. Не соври она, что муж находится дома, так этот фальшивый газовик наверняка порешил бы ее вместо Кольки. Правду говорят, ложь бывает и во спасение.

Марина Александровна постояла еще немного, шумно выдохнула и стала лихорадочно собираться, мало чего соображая…

* * *

Еще через час старший следователь Шамов отвез свидетельницу в Следственное управление и передал ее экспертам в отдел криминалистики для составления фоторобота, а сам прошел к себе в кабинет и занялся чтением протоколов и свидетельских показаний по делу об убийстве Коли Куницына.

Мальчик семи лет… Беззащитное дитя, кому он мог помешать? Может, стал для кого-то опасен, поскольку увидел нечто такое, что видеть был не должен? А что мальчик мог видеть, находясь в своей квартире? Нет, не то. Скорее всего, убийство было совершено ради самого убийства. Значит, мотив как таковой отсутствовал. Или есть, но о нем знает пока лишь один преступник. И эта цифра «3» на лбу мальчика. Зачем убийца ее нарисовал? Что она означает? Третье по счету убийство одним и тем же человеком? Но тогда почему убийство мужчины около Пушкинской набережной и убийство мальчика на Балтийской имеют совсем разный почерк? Серийные убийцы-маньяки так не действуют. У каждого из них прослеживается свой индивидуальный почерк, они просто не могут поступить иначе, потому что так заложено их преступной природой. Но если все

же в последних двух случаях убивал один человек, то какая связь между этими убийствами?

Вопросов было немало. Ответов – ни одного. Может, мозговой штурм поможет что-либо прояснить? Благо, что парень подает надежды. Глядишь, со временем до начальника отдела вырастет.

Лейтенант Колесов проверял очередной «сигнал». Вернулся, когда на часах было около восьми вечера. Молодец. Понимает, что у следователя, равно как и у его помощника, рабочий день не нормирован.

– Опять пустышка, – заявил с порога лейтенант юстиции Колесов и уселся на стул. – Ложный вызов. А как у вас?

– Вот, почитай, – Сергей Иванович пододвинул Колесову папку с делом об убийстве Коли Куницына и уставился в окно.

Какое-то время Анатолий шелестел страницами дела. Ознакомившись с ним, он поднял взор на Шамова:

– Вы думаете, что этот горбоносый псевдогазовик и есть разыскиваемый нами «Сапожник»?

– Дед-физкультурник, что обнаружил труп в мешке на Пушкинской набережной, тоже приметил человека с горбинкой на носу. И возраст примерно сходится…

– Но нет же никакой связи между этими двумя убийствами! – резонно заметил Колесов. – В первом случае человека убили молотком, потом еще и придушили, затем связали и сунули в мешок. А во втором – ребенка прямо в квартире изрубили топором.

– Видимой связи нет, – согласился со своим помощником Шамов. – И способы убийства совершенно разные. К тому же, уверен, мы не найдем никакой связи между мужчиной с Пушкинской набережной и мальчиком с улицы Балтийской. Но как быть с цифрами?

– Вы хотите сказать, что общее между этими двумя убийствами то, что они пронумерованы? А если допустить случайность? Или, может, действовал какой-нибудь подражатель? – Колесов пока отлично играл роль оппонента. – У нас два убийцы, и оба они метят свои жертвы? Такое разве исключено?

– Нет, не исключено, – раздумчиво согласился старший следователь-криминалист. – Но все же что-то мне подсказывает, что эти два убийства имеют какую-то общую связь. Не знаю, как это поточнее назвать – оперативное чутье, опыт или еще что-нибудь такое… Но это так! И это что-то мы упускаем. Пока не видим. А оно лежит на поверхности и издевательски смеется нам в лицо.

– И что именно мы упускаем? – слегка подпустив иронии в свой вопрос, произнес лейтенант юстиции Колесов.

Сергей Иванович промолчал. Да и чего он мог ответить помощнику следователя, если и сам не знал ответа.

Так нередко случается, когда забываешь какое-нибудь слово. Оно вот, рядом: точит мозг, вертится на языке, но назвать ты его не можешь. Напрягаешь память и силишься вспомнить не единожды на дню употребляемое слово, но все без толку, хоть ты тресни! Это злит, нервирует, и чем сильнее попытка, тем тщетнее вырвать его из вороха воспоминаний. В этом случае лучше даже не пытаться этого делать, следует смириться и немного переждать. И оно обязательно всплывет из памяти долгожданным подарком.

– Надо найти убийство с единицей на лбу трупа, – изрек наконец Сергей Иванович.

– Уже искал, – ответил Колесов.

– Ты искал преступление, схожее по почерку с убийством на Пушкинской набережной. А надо просто найти труп с цифрой один на лбу. Независимо от того, как он образовался: в результате удара молотком, топором, обрезком трубы или кирпичом; удушения, утопления, наезда автомобилем, выпадения из окна, отравления…

– Да понял я, понял, – оборвал тираду своего начальника помощник следователя.

– Ну, а раз понял – действуй.

– Что, прямо сейчас? Ночь же скоро, – выказал некоторое возмущение лейтенант юстиции Колесов.

– Найдешь сегодня, назавтра получишь отгул, – заверил его Сергей Иванович.

Колесов сел за компьютер, а Шамов продолжал размышлять. Когда стрелки часов показывали половину двенадцатого, Колесов устало откинулся на спинку кресла, победно посмотрел на Шамова и громко произнес:

– Есть отгул!

Глава 4. Преступниками не рождаются?

Он долго не хотел появляться на свет. Измучил женщину, хотевшую дать ему жизнь. Извел врача и акушерку. Головка, показавшаяся наконец, застряла посередине, и он едва не задохнулся. Его выдавили в эту жизнь, холодную и враждебную, из тепла, сытости и уюта, не спрашивая его желания. И он окунулся в ужас, замерев и съежившись.

– А почему он молчит? – с тревогой спросила женщина.

– Сейчас заплачет, – успокоила ее врач и хлопнула его по попке.

Но он упрямо молчал.

Врач хлопнула еще. Сильно и больно. Тогда он закричал. В этом крике было столько ужаса и отчаяния, что врач невольно поежилась. И передала ребенка медсестре…

Несколько месяцев он только и делал, что ел и спал.

Он молчал, когда его одевали в тесную одежду. Молчал, даже когда надевали ненавистную шапочку с завязками.

– Какой спокойный ребенок, – сказала как-то подруга его мамы. Но она, вместо того чтобы порадоваться его спокойствию, только молча кивнула, с трудом унимая какую-то необъяснимую тревогу, поселившуюся в ее душе с самого его рождения.

Когда пришло время, его повели в садик. Он этого не хотел, но его желания никто не спрашивал. Когда до ворот ограждения садика оставалось несколько шагов, он уперся, и его пришлось тащить волоком. Он ехал по асфальту, как на лыжах, и его сандалии противно шкыркали. Этот неприятный звук еще долго стоял в его ушах.

Враждебный мир. Он окружал его везде. Толстая воспитательница, что улыбалась, принимая его, тоже была настроена к нему враждебно. Это сказывалось в безразличии, застывшем в ее глазах, а ее улыбка была искусственно вымученной. И он чувствовал это…

А дети… Каждому из них было что-то надо от него. Его о чем-то спрашивали, и он был вынужден отвечать, хотя и не хотелось. Его куда-то звали, и он шел, чтобы потом тихонько и незаметно вернуться на прежнее место. Игры, в которые играли дети, были ему неинтересны, как и сами дети, в них играющие. Чаще всего он сидел в сторонке, наблюдая за остальными. И с ним был его единственный друг: крохотный плюшевый мышонок с длинным хвостом и глазами-бусинками, которого он зажимал в своей ладони.

Однажды ушастый мальчик из старшей группы попросил его дать подержать мышонка.

– Нет, – ответил он.

– Жадина, – констатировал мальчик. И при каждом удобном случае стал его дразнить: – Жадина-говядина. Жадюга.

Он не огрызался. Он молчал. Мальчика из старшей группы это злило. Наконец на одной из прогулок ушастый подошел и, изловчившись, выдернул мышонка из его

рук.

– Отдай, – попросил он ушастого.

– Не отдам, – ответил тот с противной ухмылкой.

– Отдай, – с угрозой произнес он.

– Не-а, – ответил мальчик из старшей группы.

Тогда он подошел вплотную к ухмыляющемуся ушастому и что было силы толкнул его в грудь. Мальчик из старшей группы упал на землю, похоже, сильно ударившись, и громко заревел. А он наклонился над ним и забрал своего друга-мышонка.

Ему здорово попало от воспитательницы. А потом с его мамой приходили разбираться в садик родители ушастого мальчика. Он сильно ударился затылком, и у него случилось сотрясение мозга. Правда, легкое.

– У вас сын растет хулиганом, – заявили его маме родители ушастого. – Вот так, ни за что ни про что взял и избил нашего Пашеньку…

– Я его не избивал, – промолвил он. – Я только толкнул. За то, что он отнял у меня моего мышонка.

– Ваш сын врет! – чуть не задохнулась мама ушастого. – Наш Пашенька ничего ни у кого не отнимал. И отнять не может, потому что он очень воспитанный мальчик. В отличие от вашего…

– А я верю своему сыну, – тихо произнесла мама и обернулась к воспитательнице: – А вам надо лучше следить за детьми. Что мальчик из старшей группы делал в группе младшей?

– Ну, знаете! Это уже ни в какие рамки… – мама Пашеньки поднялась и направилась к выходу. За ней поднялся и молчавший всю дорогу отец Пашеньки, клянущий, верно, себя за то, что поддался уговорам жены и пришел на эту разборку. У самой двери мать ушастого обернулась:

– Преступниками не рождаются. Ими становятся. С попустительства таких вот мамаш…

Когда они пришли домой, его мама сказала:

– Ты уж, пожалуйста, больше ни с кем не связывайся. И не дерись. Хорошо? – посмотрела она на сына.

– Хорошо, – ответил он.

После этого случая он уже не упирался, когда мама брала его за руку и вела в садик. Он словно затаился. Выжидал, надеясь, что все это когда-нибудь кончится.

Он научился пить молоко с ненавистной пенкой, есть манную кашу, когда совсем не хочется есть, и спать после обеда. Иногда заснуть не удавалось, и он просто лежал, уставившись в потолок. А когда объявлялся подъем, он вставал, одевался, съедал полдник и выходил вместе со всеми на прогулку.

В садике его никто не любил. Он был словно в стане врага, как наш разведчик, переодетый в немецкую форму в фильме про войну, который он смотрел вместе с мамой. Только дома он чувствовал тепло и нужду в нем. И успокаивался.

Он понял, чего выжидал, когда ему исполнилось семь лет. Садик закончился. Но началась школа.

* * *

Это место было не лучше садика. И даже хуже. Школа означала одни обязанности, за выполнением которых, собственно, никто особо не следил. Времена, когда образование шло рука об руку вместе с воспитанием, лет пять, как закончились. Слова «деньги», «бизнес», «прибыль» и «успешность» стали звучать чаще, нежели «долг», «честность», «дружба». Понятия «честь», «совесть», «стыд» и «порядочность» превратились в анахронизмы, равно как и обозначающие эти понятия слова, употребление которых стало считаться ненужным пережитком прошлого. В бизнес ударились и учителя, особенно что

были помоложе, и в учительских теперь вместо обсуждений предметов и результатов контрольных работ шли разговоры о подработках и почасовых ставках удачливых коллег-репетиторов.

Школа тоже являлась миром, для него враждебным. Класс делился на группки, которые держались от остальных учеников на расстоянии. Случалось, эти группки враждовали между собой, но чаще всего попросту не замечали друг друга.

Несколько человек в классе держались особняком, не входя ни в какие группки. В их числе был и Стасик. Так его звали. Учился он неплохо, мог бы и лучше. Но не было желания выкладываться. Он уже чувствовал, что много из того, чему их учат, в жизни пригодится всего-то раз-другой. А может, и вовсе никогда не пригодится.

Часто он сидел на уроках, наблюдая за остальными учениками. Он узнавал их привычки, характерные движения и словечки, часто угадывая, как, к примеру, поступит Костик Бондин, если его толкнут в спину, и что ответит Наташка Королькова, когда ей скажут, что она задавака.

Однажды он поспорил с Сашкой Матвеевым, своим соседом по парте, что завтра, когда училка по русскому языку и литературе Марья Степановна войдет в класс с тетрадками с их сегодняшними контрольными работами, то, поздоровавшись, сначала снимет очки и положит их на стол, потом осмотрит весь класс и каждого ученика в отдельности, а потом скажет, что «крайне недовольна результатами контрольной работы». Поспорили они на жвачку «Бомбибом» с красивыми яркими вкладышами марок автомобилей.

На следующий день урока русского языка спорщики ждали с нетерпением. Когда он наступил, и в класс вошла Марья Степановна с пачкой тетрадей в руках, то, поздоровавшись, она сняла очки, положила их и тетради на стол, обвела класс недовольным взором, останавливая на мгновение свой взгляд на каждом из учеников, и произнесла:

– Я крайне недовольна результатами контрольной работы.

– Ну, что я говорил? – толкнул он в бок соседа по парте. Матвеев недружелюбно посмотрел на него и промолчал.

– Жвачку давай, – протянул он ладонь.

– Завтра, – ответил Сашка.

Никакой жвачки Стасик не получил. Пару раз он напоминал пацану-соседу, что за ним должок, и тот все время кормил его «завтраками». Наконец он не выдержал:

– Ты чего своих слов не держишь? Мы же поспорили.

– Ты все это подстроил, – заявил сосед по парте.

– Как? – искренне удивился он.

Сашке Матвееву было нечего ответить. Он молча взял свои вещички и демонстративно уселся за другую парту. К Олечке Нечаевой.

Частенько получалось предугадывать и действия учителей.

– Сейчас наш физик войдет и споткнется, – громко заявил он однажды.

Его прогноз слышали почти все ученики. И стали ждать подтверждения пророчества или фиаско прорицателя. Чтобы заполучить весомый повод для насмешек.

Учитель физики Николай Иванович имел шаркающую походку, поскольку его возраст крепко перевалил за семьдесят лет. Молодые выпускники педвузов в школу шли не особо, предпочитая лучше устроиться менеджерами в магазины и торговые центры, нежели иметь дело с детьми, и заменить Николая Ивановича было попросту некем. Поэтому вот уже сорок с лишним лет он преподавал свой предмет, который знал досконально. Ходил Николай Иванович в стареньких стоптанных ботинках. Не потому, что было не на что купить новые, а оттого, что это была самая удобная для его ног обувь. Ну как домашние тапки. Из-за походки и старенькой обуви учитель физики, случалось, и спотыкался, но тут был заявлен конкретный случай и конкретное время. И когда Николай Иванович зашел в их класс, он зацепился каблуком за порожек и споткнулся.

Весь класс обернулся на прорицателя. Для большинства учеников это был облом их чаяний, поскольку многие, если не все, желали, чтобы он ошибся. А Стасик сделал вид, что все, что произошло, в порядке вещей…

Он мог предугадывать многие действия почти всех учеников в классе. Однако этим его умением открыто никто не восхищался. Никто не говорил ему, какой он наблюдательный и умный. Никто не считал его каким-то особенным. И это злило. Он ждал если не восторгов, то хотя бы адекватной оценки его способностей. Еще злило то, что многие его побаивались. А раз боятся, значит, не любят. Получалось, что мир школы был для него тоже враждебен. И только мама его понимала.

– Ты, Стасик, постарайся быть таким же, как все. Не выделяйся. И свои способности всем и каждому не показывай. Не любят у нас тех, кто способнее и умней других…

А он как раз жаждал выделяться. И не хотел быть таким, как все. Как этот Костик Бондин, с виду хитрый, а на поверку тупой и предсказуемый, действия которого в той или иной ситуации вполне легко можно было просчитать. Не хотел быть как Сашка Матвеев, таким же жадным и нацеленным только на то, чтобы иметь больше, чем имеют другие. Не хотел быть и Николаем Ивановичем, всю свою жизнь занимающимся одним и тем же делом, скучным и наверняка опостылевшим до чертиков.

В девятом классе Стас влюбился в Альку Осипчук. Он сидел за ней и часто ловил себя на том, что смотрит на завитушки ее волос, прикрывающих шею. На переменах он следил за ней, несколько раз хотел подойти, когда она оставалась одна, но не решался.

Алька нравилась многим пацанам и даже парням из десятого класса. Особенно Генке Силякову из десятого «Б», который все время норовил «случайно» попасться ей на глаза и заговорить. Иногда, когда она разрешала, он провожал ее до дома.

Алька была красива, мила, обаятельна, привлекательна, притягательна… И все же этих слов было мало. Она была такой, что слов недоставало, чтобы точно и полно ее описать. Если бы имелась такая возможность, Стас мог бы смотреть на нее часами.

После уроков он незаметно провожал ее до дома и потом еще долго слонялся около в надежде, что она выйдет.

Как-то в конце мая он попался на глаза Силякову.

– Ты чего за ней ходишь? – недобро спросил Силяков, а двое пацанов, Жорка Мортиросян и Женька Копылов, что были вместе с ним, зашли за спину Стаса, отрезая ему путь к отступлению.

– Ни за кем я не хожу, – ответил он.

– Я тут не первый раз тебя вижу, – процедил сквозь зубы Силяков. – За Алькой следишь?

– А тебе какое дело? – хмуро посмотрел он на Генку.

– Так нельзя разговаривать со старшими, – зло ощерился Силяков и ударил его по лицу. – Понял?

– Нет, – ответил он, глядя в упор на Генку.

– А если так? – Удар сзади пришелся в район виска. В голове помутнело, и он едва удержался на ногах. Но он нашел в себе силы повернуться к парню, ударившему его, и, вымучив улыбку, сказал:

– Все равно не понял, Жорик.

Это разозлило всех троих парней. Мортиросян, что ударил его в висок, накинулся на Стаса и повалил его на землю. Третий из парней, Женька Копылов, больно пнул его, уже лежащего, в живот. Генка Силяков тоже стал пинать его, стараясь попасть в лицо.

Он как мог закрывался. Увидел, как из подъезда вышла Алька и вместо того, чтобы потребовать прекратить драку, стала с интересом за ней наблюдать. Точнее, не за дракой, а за избиением.

– Теперь все понял? – наклонился над распластанным Стасом Генка.

Стас молчал.

– Не слышу?

Ответа не последовало.

– Да оставь его. Пошли, – услышал он голос Мортиросяна.

Алька, а следом за ней и парни ушли. Он встал на колени, с трудом поднялся на ноги и поплелся домой. К приходу матери он кое-как привел себя в порядок. Если так можно было назвать заплывший глаз, вздувшуюся шишку на виске и рассеченную губу. Еще болели ребра. Похоже, парочка из них была сломана, поскольку даже легкое покашливание причиняло сильную боль. А когда он чихнул, то едва не заорал от охватившей его резкой боли.

Конечно, мама стала допытываться, что случилось. Он отмалчивался, и только на ее предложение сообщить об избиении в полицию он ответил:

– Не надо.

Несколько дней он отлеживался дома, раздумывая, как ему быть дальше. Что он получил по мордасам от Алькиного ухажера Силякова с его дружками – это было понятно. Но Алька? Почему она не заступилась за него? Почему не остановила драку?

Ладно, он ей это припомнит. И Генке Силякову с Мортиросяном, и Копыловым – тоже. Но не сразу. «Месть – блюдо, которое нужно подавать холодным»… Он вспомнил эту фразу из «Крестного отца» сразу, как только избитым приплелся домой. Она не выходила у него из головы, когда он отлеживался дома. А что, эта фраза заслуживала внимания. И обдумывания. Что он будет жестоко мстить – это он решил сразу. Но вот когда и как – это стоило обдумать.

Нет. Он не будет подставляться и мстить открыто. Ведь если он не заявил в полицию, то не факт, что не заявит Генка Силяков. Или его дружки Женька Копылов и Жорик Мортиросян. Значит, надо сделать так, чтобы они не видели и не знали, откуда им прилетело. И отомстить обидчикам надо не всем сразу, а одному за другим и по истечении времени. Дабы никто не мог бы подумать, что

это его рук дело…

Глава 5. Месть – блюдо, которое нужно подавать холодным

В ноябре темнеет быстро. И в семь часов вечера на дворе уже непроглядная темень.

Генка Силяков, студент одного из московских вузов, возвращался из библиотеки домой. У подъезда тускло горел одинокий фонарь, едва освещая подступы к дому. Не узнав Стаса Кулигина, стоявшего на углу дома с надвинутым на глаза капюшоном, он вошел в подъезд. Едва за Генкой закрылась дверь, как следом за ним шагнул Кулигин. Услышав за спиной шорох, Силяков обернулся.

– Привет! – по-приятельски улыбнулся ему Стас и, выдернув из-под куртки толстую рифленую арматурину, нанес Силякову сильный и быстрый удар в лицо.

Хрустнул сломанный нос, и кровь брызнула струей. Генка взвыл от нестерпимой боли и невольно закрыл лицо руками. Стас размахнулся и ударил с размаху по затылку. Силяков упал, попытался защититься руками, но это не помогало: Стас продолжал наносить удары, пока Генка не потерял сознание и не затих. Затем Стас небрежно швырнул окровавленный кусок арматуры ему на грудь, похлопал в ладоши, отряхивая с перчаток налипшую ржавчину, снова надвинул капюшон на самые глаза и быстро выскочил из подъезда.

Ноябрьский ветер, неприязненно сыпанувший в него пригоршню колючих мелких снежинок, освежил пылающее лицо. Неожиданно Стас поймал себя на неведомом ранее чувстве – его распирало упоение. Ощущение было таковым, что теперь ему подвластно все. Такое чувство испытывает только победитель.

Еще через пару дней он узнал, что Генка Силяков лежит в реанимации, что ему уже сделали две серьезные операции, но его состояние продолжало оставаться критическим: помимо внешних повреждений костей черепа, имелись и серьезные внутричерепные повреждения, в том числе серьезно деформированы оболочки головного мозга. Словом, Генка был уже не жилец, и все дальнейшие врачебные действия не излечивали его, а лишь оттягивали закономерный конец.

Еще через день Стаса вызвали к директору. Когда он пришел в просторный директорский кабинет, уставленный современной удобной мягкой мебелью, то в одном из кресел увидел лысоватого человека с какими-то рыбьими бледно-голубыми глазами и дерматиновой поцарапанной папкой в руках. Как выяснилось через минуту, это был следователь прокуратуры. Он стал задавать разные вопросы, пристально разглядывая при этом Стаса. Наверное, так посетители музеев разглядывают какой-нибудь интересный экспонат.

Конечно, алиби на день избиения Силякова у Стаса не было.

– Где вы были в день нападения на Геннадия Силякова?

– Кажется, я гулял, – скучающе ответил он на вопрос следователя.

– Кажется? – удивленно поднял брови следователь.

– Да, – ответил Стас и добавил: – Но если вы уточните время, когда избили Силякова, возможно, я скажу точнее.

– Это был вечер в районе семи часов или немного позже.

Подумав, Стас уверенно отвечал:

– Точно… Я гулял.

– Где именно? – выпучил рыбьи глаза следователь.

– По улицам, – просто ответил Стас.

– По каким именно улицам? – спросил лысоватый следак, сделав упор на слове «каким».

– По разным…

– А поконкретнее?

– Да я как-то не обращал внимания, – промолвил Стас.

– И что, просто так ходили безо всякой цели?

– Да, просто так ходил.

– Хорошо, – кивнул следователь. – По дороге вам никто не встретился? Из приятелей или знакомых?

– Никто, – ответил Стас.

– Значит, никто не сможет подтвердить ваше алиби?

– Значит – никто, – согласился Стас.

– Получается, что алиби у вас попросту нет, – констатировал лысоватый следователь с недостаточно затаенным удовлетворением, чтобы его нельзя было не заметить.

– Получается, что так, – снова согласился Стас и спокойно посмотрел в рыбьи глаза, смотрящие на него в упор.

– Хорошо… – следователь листнул бумаги из своей папки и снова поднял взор на Стаса: – Скажите, Станислав Николаевич, после вашей драки с Геннадием Силяковым двадцать восьмого мая этого года вы продолжали с ним конфликтовать?

– А кто сказал вам, что была драка? – удивленно спросил Стас.

– Этому имеются свидетельские показания, – ответил следователь.

– А свидетель – это Алевтина Осипчук?

– Допустим, – неопределенно ответил следователь.

– А она не сказала вам, что с Силяковым были еще двое его друзей, – заявил Стас. – И это была совсем не драка.

– А что это тогда было? – изобразил удивление на своем лице следователь. Правда, не очень искусно.

– Избиение, – просто сказал Стас. – Когда трое на одного…

– Но тогда у вас была явная причина отомстить, – уверенно произнес лысоватый следователь.

– Причина была, – согласился Стас. – Желания не было.

– Отчего же? – Рыбьи глаза следователя снова взирали в упор.

– Просто я разочаровался в Осипчук. Перегорел, что ли.

– То есть она перестала вам нравиться? – задал уточняющий вопрос следователь.

– Можно сказать и так, – коротко ответил Стас.

– Вот так, в одночасье?

– Ничего удивительного, так бывает.

– Это потому, что она за вас не заступилась? – Следователь продолжал смотреть на Стаса в упор.

– Можно сказать, что и так, – снова ответил Стас. – Она стояла в стороне и спокойно наблюдала за тем, как меня пинают ногами. Могла бы хотя крик поднять, что ли…

– Что же вы не заявили в полицию?

– Это было наше личное дело. Мое и Силякова.

– Но ведь вас избивал не только он… И другие!

– Все так… Не только, – согласился Стас.

– Так почему же вы все же не заявили о факте вашего избиения? – Кажется, лысоватый следователь откровенно недоумевал. Уж он-то точно заявил бы об избиении, если бы это касалось лично его.

– Ну, вот не заявил и все… – буркнул в ответ Стас. – Не хотел просто.

Несколько мгновений в кабинете директора школы висела пауза.

– И все же вы не ответили на мой вопрос: после этой драки… то есть вашего избиения, – поправился следователь, – у вас были еще конфликты с Геннадием Силяковым?

– Конфликт был исчерпан. – Уверенно произнес Стас и, как ему показалось, был очень убедителен. – Алевтина Осипчук перестала мне нравиться, и конфликтовать с Силяковым уже не было оснований.

– Но вы с ним виделись…

– Да, в школе. Пока он ее не окончил. Больше я его не встречал…

– Хорошо… – Следователь дописал протокол и протянул его Стасу: – Прочитайте. И распишитесь вот здесь и здесь. С моих слов записано верно. И подпись…

Когда следователь собрался уходить, то произнес уже привычно, глядя в упор на Стаса:

– На данный момент у нас несколько подозреваемых. Вы в их числе. Поскольку у вас нет алиби и имеется мотив: месть. Правда, со времени вашего избиения прошло без малого полгода, но ведь «месть – блюдо, которое нужно подавать холодным». Не так ли?

– А мне почем знать? – ответил Стас, стойко выдержав взгляд следователя.

– Ну, разумеется, – произнес лысоватый следователь и вышел из директорского кабинета в полной уверенности, что еще увидится с этим подозреваемым. Однако надежда не оправдалась: ни задерживать, ни тем более арестовывать Стаса Кулигина было не за что. Равно как и остальных подозреваемых из-за отсутствия доказательной базы.

И дело как-то само собой заглохло…

Стас не торопился. Поэтому упустил Женьку Копылова: он вместе с родителями переехал из Москвы в Питер, где его папаша получил какое-то теплое местечко. Много теплее того, что у него имелось в Москве. Сокрушался Стас по этому поводу минут пятнадцать: он научился иметь дело с тем, что есть, с имеющейся данностью, а не с тем, что могло бы быть, да вот не случилось. Кроме того, этот Женька и ударил-то его всего пару раз. В отличие от Жорика Мортиросяна.

За ним Стас начал охотиться уже после нового года всерьез. Кажется, Жорик стал крепко выпивать, что значительно упрощало задачу. И в один из последних поздних вечеров новогодних каникул, когда люди, уставшие от безделья, сытости и распития горячительных напитков, предпочитали сидеть дома, а по улицам шлялись лишь те, кто еще не допил, Стас столкнул Жорика под проходящую электричку. Правда, были возможные свидетели этого происшествия: старушка, сидевшая на лавочке в ожидании электрички, и целующаяся молодая пара, которой ни до кого не было дела. Эти, скорее всего, ничего и не видели, а вот старушка…

Впрочем, в случившемся транспортные менты шибко не разбирались и свидетелей происшествия особо и не искали, поскольку, как оказалось, Жорик Мортиросян был крепко выпивши. Его гибель была классифицирована как несчастный случай.

В эти же новогодние каникулы задержали таджика-гастарбайтера, промышляющего разбоем. В качестве оружия он использовал железный прут, который всегда носил с собой и которым избивал одиноких прохожих, после чего забирал у них деньги, украшения и одежду. Раскрутили таджика по полной. На допросах он признался во всех своих преступлениях; плюс еще и в тех, которые не совершал. В их числе фигурировало также нападение на Геннадия Силякова в ноябре прошлого года. Как удалось следакам повесить на таджика этот глухарь, остается загадкой. Впрочем, подобных «загадок» в полицейских структурах было предостаточно…

Оставалась Алька… С ней было сложнее всего.

В последнее время она стала как-то часто попадаться ему на глаза, тем самым царапая закостеневшую душу. Ощущение было таковым, что делала она это намеренно, но вот об истинных причинах оставалось только догадываться. С последней их встречи слишком много произошло всякого, и теперь девушка была ему неинтересна. Даже ее красота, от которой он ранее просто немел, казалась ему не притягательной.

Обошелся с ней Стас сравнительно мягко: распустил по школе слух, что Алька покуривает травку и за косячок готова отдаться любому. Об этом он «по секрету» сообщил Костику Бондину, не сомневаясь в том, что тот разнесет «тайну» по всей школе, поскольку Костик был не в меру болтлив.

Скоро Алевтина Осипчук в полной мере ощутила на себе последствия мести Стаса. Подружки, с которыми она дружила с первого класса, стали ее сторониться. Девчонки из параллельных классов, завидев ее, шушукались и отпускали вслед ей обидные слова. А когда она пыталась огрызаться, обзывали ее шлюхой и наркоманкой. Парни открыто насмехались и говорили непристойности.

Классная руководительница, до которой, конечно, дошел слух, несколько раз пыталась с ней поговорить, но Алевтина лишь огрызалась и после первых же фраз педагога сбегала из учительской со слезами. Директриса школы, обеспокоенная сложившейся ситуацией, вызвала ее родителей и недвусмысленно предложила перевести Алевтину в другую школу.

– Пока не случилось чего-нибудь похуже, – добавила она со значением и нахмурила брови, показывая, что говорит она как никогда серьезно.

– Но ведь ей до окончания школы осталось всего-то несколько месяцев, – весьма неуверенно предлагали обескураженные родители.

На что директриса, еще более нахмурив брови, ответила:

– Перевод в другую школу будет единственно разумным решением. В этом я руководствуюсь исключительно интересами вашей девочки…

– Хорошо, мы подумаем, – ответили родители.

– Только поскорее, – такими словами завершила разговор директриса.

Алька Осипчук была морально опустошена, спокойствие давалось ей с большими усилиями, и каждый день проведенный в школе, все более подтачивал ее волю.

Как-то после уроков к ней подошел стопроцентный «ботан» Коля Тарасов из девятого «А» и, разжав потную пухлую ладонь, на которой лежал невесть где добытый им «косячок», произнес, заикаясь от нарастающего возбуждения:

– Вот. Это т-тебе. Потрахаемся, а? П-пожалуйста. Ну чего тебе стоит? У меня сейчас дома никого…

Это было последней каплей ее терпения – Алька сорвалась. С ней случилась настоящая истерика: она визжала, кричала, сыпала проклятиями. На крик выбежали перепуганные учителя, еще через несколько минут подъехала «Скорая помощь», и Альку немедленно увезли.

Больше она в школе не появлялась…

Стас был всецело удовлетворен своей местью. Оставалось отомстить и другим…

* * *

По окончании школы Стас Кулигин, уступив уговорам матери, решил подать документы в Московский энергетический институт, что в Лефортово. Бюджетные места без связей и исключительных знаний не светили, однако средний балл по сданным экзаменам был вполне проходным на платное отделение. Оказалось, что у матери на его учебу денежки загодя накоплены.

– Насчет денег можешь не беспокоиться, – заверила его мама. – Ты, главное, учись…

Так Стас сделался студентом престижного вуза. Студенческая жизнь отличалась от школьной большей свободой и иными интересами, которые диктовал возраст,

однако и здесь группа, как и класс в школе, делилась на группки по интересам, личным симпатиям и прочему иному, что связывает молодых людей. Стас по своему обыкновению ни в какие группки не входил и был сам по себе.

В начале третьего курса умерла мама. Оказалось, у нее был рак. Только она никому не говорила о смертельном диагнозе.

Однажды утром, когда Стас собирался в институт, она вдруг позвала его.

– Мама, я опаздываю, – крикнул ей из своей комнаты Стас.

– Все равно подойди… Это ненадолго.

Когда он вошел, мать лежала в постели:

– А ты разве не идешь сегодня на работу? – удивился Стас.

– Я взяла отгул, – соврала она.

– Я, правда, опаздываю, – подошел он к ней.

– Две минутки, – произнесла она и улыбнулась.

Стас присел на кровать и вопросительно посмотрел на нее.

– Я насчет денег… – начала она.

– Мне не надо денег, – заявил Стас.

– Ну, а когда будет надо, ты найдешь их в моем шкафу.

– Хорошо, – удивленно посмотрел на мать Стас.

– Вот теперь иди, – она немного помолчала и положила свою ладонь на его руку. – Видишь, я задержала тебя совсем ненадолго.

– Тогда я пошел? – поднялся с кровати Стас.

– Иди. И будь осторожен, – добавила она и как-то странно посмотрела на него.

– Хорошо, мам. Пока.

– Пока…

Когда он вернулся с учебы, мама все так же лежала в постели.

– Тебе нездоровится? – спросил он. Но ответа не последовало.

Он вошел в ее комнату и увидел полузакрытые глаза матери. Они, не мигая, смотрели в одну точку. Внутри Стаса все похолодело:

– Мама, – только и сумел вымолвить он.

Горе было огромным, внезапным, подготовиться к нему не было времени. Может, поэтому слезы были невероятно горькими и обильными. Что делать дальше, Стас не представлял. Утерев слезы, он включил компьютер, вошел в Интернет и набрал: «Что делать, когда умирает человек».

Немногим позже подъехала полиция, подкатила «Скорая помощь». Никаких признаков насилия на теле умершей обнаружено не было, а подошедший участковый врач подтвердил, что «у женщины был неоперабельный рак четвертой степени». Уже расставаясь, врач посоветовал:

– Обратись в какую-нибудь погребальную контору. Они все сделают. Деньги-то есть?

– Не знаю, – ответил Стас, уставившись в пол.

Последующие несколько часов он просто сидел на кухне и смотрел в окно, не зная, что делать дальше. Все было как обычно, жизнь не прерывалась даже на секунду: куда-то спешили люди; разъезжали автомобили; в песочнице возились дети; кто-то выгуливал собак. Весь остальной мир был совершенно безучастен к навалившемуся на него горю. Казался холодным и враждебным. А вот для Стаса

время как будто бы остановилось.

О деньгах он вспомнил только к концу суток.

Прошел в комнату матери и, стараясь не шуметь, как если бы опасался ее разбудить, открыл шкаф. Дверца пронзительно скрипнула, и Стас невольно вздрогнул. Среди многих аккуратно разложенных вещей нашел на самой верхней полке большой пакет. В нем лежало лежало нижнее белье, платье, пара полотенец, туфли. В носок одной из туфель был засунут плотный бумажный сверток. На свертке шариковой ручкой купными буквами было написано: «Деньги на похороны».

Стас развернул сверток и пересчитал деньги. В нем разными купюрами лежали сто двадцать тысяч рублей. В большом пакете отдельно лежал еще один пакет. Не такой большой. Когда Стас заглянул в него, там тоже оказались деньги. Много. Пять пачек пятитысячными купюрами и пять пачек тысячных купюр. То есть ровно три миллиона рублей. Стас знал, что отец, которого он не помнил, поскольку тот бросил мать еще беременной, выплачивал на него алименты. Скорее всего, деньги эти были те самые алименты за все восемнадцать лет. Мать до последних своих дней держала деньги в сбербанке, но, чувствуя скорую кончину, сняла их, чтобы у Стаса не было трудностей с их получением. Кажется, она продумала все, чтобы в связи со своим уходом причинить сыну как можно меньше неудобств…

По Интернету Стас выбрал ритуальную службу, что была поближе к дому. Позвонил, рассказал в нескольких предложениях суть дела и скоро к нему пришел агент службы, с которым Стас заключил договор. После чего работники службы взяли на себя оформление всех сопутствующих бумаг и стали готовить умершую к погребению.

На третий день мать похоронили. Единственного человека, который его любил, не стало. Было тяжело, мир сделался враждебным. В институте на Стаса никто не обращал внимания. Его личное горе прошло незамеченным для всех.

Стас кое-как доучился первый семестр, а потом просто перестал ходить в институт. Когда его отчислили, то он об этом совершенно не жалел. Наоборот, он почувствовал невероятное облегчение.

Несколько последующих лет он жил постно, безо всякой цели: никого не любил, ни с кем не встречался. Если однажды он не встанет с постели, то его исчезновения даже никто не заметит. В какой-то момент Стасу пришла мысль о том, что следует что-то предпринять, для того чтобы запомниться. После многочасового лазания по Интернету в его голову пришла любопытная идея. Такая, что если он ее сумеет реализовать, то заставит заговорить о себе весь мир…

Глава 6. Последний выезд Златы

Девушка была проституткой. В обычной жизни ее звали Тамарой Зыряновой. А вот на работе она имела броский псевдоним – Злата.

Родом Тамара была из Донецка. Переехала в Россию три года назад вместе со своей лучшей подругой Катюшкой, в то самое время, когда на Украине началась большая заваруха. В какой город именно ехать, вопросов не возникало, – разумеется, в Москву! С ее-то большими возможностями. Ведь не в Торжок же какой-нибудь. А работу там можно найти всегда, даже неважно кем, – пусть упаковщицей, продавцом, кассиром, уборщицей, дворником. С жильем там тоже не проблема. Вот сколько домов понастроили! Такой жилплощади на половину России хватит.

Сначала устроилась упаковщицей на склад с товарами народного потребления у станции метро «Площадь Ильича». Обещали пятьдесят тысяч. Дали только тридцать две. Сказали, что это временно. Мол, месяца через три, когда получишь соответствующие навыки и классификацию, тогда повысим и зарплату. Поначалу показалось, что тридцать две тысячи совсем даже неплохо! Для Торжка или города Горбатов получать такие деньги в месяц и правда хорошо. Но что такое тридцать тысяч в Москве, если только перекусить в какой-нибудь кафешке встанет тысячи в полторы! А если сделать простенькую прическу с укладкой в совсем недорогом салоне на окраине города, так это обойдется в целых две штуки. А с макияжем так и все три! А о прочих бытовых услугах даже заикаться не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/suhov_evgeniy/poryadkovyy-nomer-zhertvy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить